

Тихий лес

Максим Козлов

Тихий лес

«Автор»

2026

Козлов М.

Тихий лес / М. Козлов — «Автор», 2026

Группа эко-активистов высаживается в глухой лес, чтобы помешать незаконной вырубке. На вторую ночь они понимают: лес ведет себя как живой организм. Тропы меняются, техника выходит из строя, а птицы начинают повторять голоса умерших. Лес не просто защищается — он помнит каждого, кто когда-либо поднял топор на его деревья. Чтобы выбраться, нужно посадить новое дерево ценой собственной жизни. Но самый ярый защитник леса из группы хранит тайну: когда-то он сам устроил здесь вырубку и скрыл это. «Тихий лес» — экологический хоррор и психологический триллер. Это история о памяти, которая не умирает, о долге, который передается по крови, и о тишине, в которой звучат голоса всех, кого мы не услышали при жизни. Лес ждет. И он умеет ждать вечно.

© Козлов М., 2026

© Автор, 2026

Содержание

Точка сбора	5
Метки	12
Красный крест	19
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Тихий лес

Точка сбора

Никто не ответил.

Дорога кончилась у ручья. Воды было по щиколотку, но дно скользкое. Вэнс остановил фургон так, чтобы бампер почти касался воды. Он заглушил мотор, и в тишине стало слышно как остывает металл и где-то высоко в елях перекликаются вороны.

Вэнс посмотрел на карту. Карта была старая, бумажная, сложенная вчетверо. На сгибах она истерлась до белой основы. Он водил по ней пальцем, ища отметку. Отметки не было.

— Дальше пешком, — сказал он.

Его голос прозвучал слишком громко в этой тишине.

В фургоне было ещё трое. Они сидели в темноте кузова среди брезентовых мешков с провизией, мотков альпинистской верёвки и двух бензопил, которые взяли чтобы вывести из строя технику лесорубов. Пили не свои бензопилы — свои. Лесорубы придут со своими, но эти нужны чтобы показать что мы умеем обращаться с их оружием. Так сказал Вэнс на брифинге три дня назад в городе.

В городе его звали не Вэнс. В городе у всех были другие имена. Там были клички, пароли для чатов и прозвища из университетских кампусов. Здесь, в ста милях от последней заправки, осталось только одно имя на всех — то которое знал лес.

Вэнс вышел из кабины, сапоги утонули в прелой листве. Он подошёл к задней дверце фургона, откинул щеколду. Внутри пахло потом, старой шерстью и бензином.

— Выгружаемся, — сказал он.

Первым вылез Дьюк. Дьюк был самым молодым, ему было двадцать два, и он носил очки в тонкой стальной оправе которые постоянно запотевали. Он изучал лесоводство в колледже но бросил на третьем курсе потому что, как он говорил, «книги не пахнут хвоей». Сейчас от него пахло только дезодорантом купленным на заправке.

Второй выбралась Эллис. Она двигалась легко, хотя просидела в неудобной позе шесть часов. У неё было лицо человека который мало спит и много смотрит на линию горизонта. Под глазами тёмные круги, руки в карманах штормовки. Она ничего не говорила с того момента как они свернули с асфальта.

Последним вышел тот кого называли Старик, хотя ему было тридцать девять. Настоящее имя — Генри. Генри Кросс. Он был выше всех на голову и шире в плечах, работал инструктором по выживанию и носил с собой флягу из которой никогда не пил при других.

— Вода есть? — спросил Дьюк.

— В ручье, — сказал Вэнс.

— Я про чистую.

— В ручье чистая. Выше по течению нет человека на сорок миль.

— А животные?

— Животные не гадят там где пьют, — сказал Генри. Он не смотрел на Дьюка, он смотрел на лес.

Вэнс не ответил, пошёл к ручью.

Лес стоял стеной. Не было ни ветра ни движения, но в этой неподвижности чувствовалось что-то более живое чем в любом городе. Стволы сосен уходили вверх так прямо, словно их натягивали струны. Кроны смыкались высоко над головой, и свет пробиваясь сквозь них падал на землю зелёными пятнами как сквозь бутылочное стекло.

Вэнс начал раздавать груз.

— Эллис — воду и аптечку. Дьюк — сухие пайки и карту. Генри — бензопилы.

— А ты? — спросил Дьюк.

— Я понесу то что останется.

Остался брезентовый тубус с транспарантами и тяжёлый аккумулятор для спутникового телефона. Телефон был один на всех. Вэнс повесил тубус через плечо, аккумулятор сунул в рюкзак, и рюкзак сразу потяжелел килограммов на десять.

— Связь будет только вечером, — сказал он. — На точке.

— На какой точке? — спросила Эллис.

Больше он ничего не сказал.

Ручей был неглубокий но быстрый. Вода холодила ноги даже через резину сапог, камни на дне были скользкими покрытыми бурым налётом. Вэнс перешёл первым, встал на другом берегу и смотрел как переходят остальные.

Дьюк поскользнулся. Он взмахнул руками чтобы удержать равновесие, и карта которую он держал в руке задела воду. Бумага потемнела, Дьюк выругался.

— Дай сюда, — сказал Вэнс.

Он взял карту и расправил её на плоском камне. Солнце которое здесь у кромки леса ещё имело силу начало сушить влажные края. Чернила расплылись на одной из просек, теперь нельзя было понять идёт ли там тропа или просто складка бумаги.

— Ничего страшного, — сказал Вэнс. — Я помню дорогу.

— Ты здесь был? — спросил Дьюк.

— Да.

— Когда?

— Давно.

Они углубились в лес на полмили. Дороги не было, было направление. Вэнс шёл первым, огибал валежник, пригибался под низкими ветками, иногда останавливался и слушал. В лесу было тихо, слишком тихо.

Эллис догнала его:

— Птиц нет.

— Есть, просто не поют.

— Птицы всегда поют в это время дня.

— Значит они заняты другим.

— Чем?

Вэнс не ответил. Он смотрел на ствол сосны справа от тропы. На коре был свежий затес, топором. Белая щепка ещё не успела пожелтеть.

— Здесь были люди, — сказал он.

— Лесорубы? — спросил Дьюк.

— Нет. Лесорубы так не метят. Это охотники. Или кто-то ещё.

— Кто?

— Кто-то кто хочет вернуться.

Они пошли дальше. Лес становился гуще, подлесок из орешника цеплялся за одежду. Мох на стволах был толщиной в палец, серо-зелёный, похожий на старую шерсть. Вэнс заметил что Генри отстал, оглянулся — Генри стоял на коленях у корней огромной ели и что-то разглядывал на земле.

— Что там? — спросил Вэнс.

Генри поднял голову. Лицо спокойное но глаза сузились:

— Ничего.

— Врёшь.

— Кости. Птичьи кости. Много. Кто-то складывает их в круг.

Вэнс подошёл. На земле среди прошлогодней хвои лежал круг из мелких белых косточек диаметром в ладонь. В центре круга — перо сойки, синее, яркое как клочок неба.

— Дети балуются, — сказал Дьюк. Он подошёл и хотел пнуть круг носком ботинка.

— Не трогай, — сказала Эллис.

Дьюк замер.

— Почему?

— Не знаю. Просто не трогай.

Они отошли от круга. Лес изменился, Вэнс чувствовал это затылком. Деревья здесь стояли чаще, и свет стал зеленее. Звуки шагов гасли во мху не отдаваясь эхом. Эхо в лесу должно быть, но его не было.

— Мы идём правильно? — спросил Дьюк.

— Да.

— Карта показывает что через полчаса будет овраг.

— Будет.

Оврага не было через полчаса, не было и через час. Лес тянулся ровным массивом без провалов и подъёмов. Вэнс остановился, посмотрел на компас. Стрелка дрожала но показывала на север. Солнце которое должно было быть слева и сзади светило прямо в глаза.

— Компас врёт, — сказал Генри.

— Здесь нет железа, магнитной аномалии быть не должно.

— Значит солнце врёт.

— Солнце не врёт.

— Тогда где мы?

Вэнс молчал. Он смотрел на дерево которое они только что обошли. На его коре был затес — тот самый, белая щепка ещё не пожелтевшая.

— Мы шли по кругу, — сказала Эллис.

— Я не водил по кругу, я шёл прямо.

— Значит лес повернулся.

Вэнс сел на корточки и положил компас на землю. Стрелка успокоилась и твёрдо показала на север. Он поднял голову, прищурился на солнце. Солнце висело над кронами, оно должно было садиться но стояло высоко, будто время застыло.

— Разбиваем лагерь, — сказал он.

— Сейчас? Мы же только вышли, дневной переход ещё не кончился, — возразил Дьюк.

— Здесь. Сейчас.

В голосе Вэнса было что-то что заставило Дьюка замолчать. Это не был страх, это была осторожность граничащая с чем-то очень старым.

Они выбрали место между трёх сосен. Генри нарубил лапника для лежанок, Эллис развела огонь. Она делала это быстро не делая лишних движений: сначала мелкие ветки, потом кора, потом сухие поленья. Огонь занялся с первой спички, дым пошёл вверх, и Вэнс смотрел как он поднимается к кронам и исчезает не оставляя запаха.

Дьюк достал сухой паёк — галеты и вяленое мясо — разложил порции на брезенте.

— Есть кто будет? — спросил он.

— Позже, — сказал Вэнс.

Генри взял галету и жевал её медленно глядя в огонь. Эллис сидела обхватив колени руками и не ела.

— Ты говорил что был здесь, — сказала она Вэнсу. — Давно. Зачем?

Вэнс долго молчал, смотрел в огонь, и пламя отражалось в его зрачках.

— Я приезжал с отцом, — сказал он наконец. — На охоту. Мне было двенадцать.

— И что?

— Мы заблудились. Ходили три дня, еды не было, воды не было. На третий день отец сказал что надо идти на звук. Я не слышал звука, он слышал. Мы вышли к реке — не к этой, к другой. Река вывела нас к лесопилке.

— Что это был за звук? — спросил Дьюк.

— Он сказал что это был голос его матери. Она умерла когда ему было десять.

В костре треснуло полено, искры взметнулись вверх и погасли.

— И ты веришь что он слышал голос? — спросила Эллис.

— Я верю что он слышал что-то. Что-то что заставило его идти когда он уже не мог.

— А сейчас ты слышишь что-нибудь? — спросил Генри. Он перестал жевать и смотрел на Вэнса.

Вэнс покачал головой.

— Сейчас тихо.

Ночь упала быстро, не было сумерек. Только что сквозь кроны сочился зелёный свет, и вдруг стало темно как в погребе. Воздух остыл, от земли потянуло сыростью и грибами.

Дьюк полез в рюкзак за фонариком.

— Не включай, — сказал Вэнс.

— Почему?

— Свет слепит, глаза привыкнут.

Дьюк не послушался, щёлкнул кнопкой. Луч света ударил в ствол сосны, выхватив из темноты кору, мох и что-то ещё — что-то блестящее. Дьюк повёл лучом. На стволе на высоте человеческого роста висела гирлянда из птичьих черепов. Маленькие, с тонкими клювами, они были нанизаны на жилу как бусы.

— Выключи, — сказала Эллис. Её голос был ровным но тихим.

Дьюк выключил фонарик, и в темноте стало слышно как он дышит — часто и неглубоко.

— Кто это сделал? — спросил он.

— Никто, — сказал Генри. — Птицы сами умирают, черепа остаются. Кто-то нашёл и повесил.

— Кто?

— Не знаю. Тот кто здесь живёт.

— Здесь никто не живёт, здесь лес на сорок миль.

— Значит лес.

Они сидели в темноте. Костер догорал, угли подёрнулись пеплом и светились мягким оранжевым светом. Вэнс смотрел на угли и думал о том что гирлянда была свежей: на кости не было пыли, жила ещё не высохла. Это сделали недавно — сегодня или вчера.

Он поднял голову. В просвете между кронами виднелось небо, звёзд не было, только плотная чёрная пустота.

— Дежури́м по двое, — сказал он. — Первая смена я и Генри. Дьюк и Эллис спят.

— Я не усну, — сказал Дьюк.

— Ложись, завтра идти.

Дьюк лёг и накрылся спальником с головой. Эллис легла рядом но глаза не закрыла, смотрела в темноту над собой. Генри сидел по другую сторону кострища положив на колени топор. Вэнс сидел спиной к стволу сосны и слушал лес.

Лес не спал, он дышал. Где-то далеко ухала сова — ритмично, четыре раза, потом пауза, потом снова четыре раза. Потом сова замолчала. Стало так тихо что Вэнс слышал как бьётся его сердце и как кровь шумит в ушах.

Потом раздался звук.

Это был не крик, это был голос. Человеческий голос. Он шёл из глубины леса, приглушённый стволами и расстоянием. Голос произнёс одно слово, имя.

— Вэнс.

Вэнс вздрогнул, Генри повернул голову.

— Ты слышал?

— Да.

— Что это было?

— Кто-то звал тебя.

— Кто?

Генри пожал плечами:

— Голос женский, старческий.

Эллис села, она не спала.

— Это птица, — сказала она. — Некоторые птицы могут имитировать человеческую речь: сойки, вороны, сороки.

— Сойки не говорят ночью, — сказал Генри.

— Эта говорит.

Голос раздался снова, теперь ближе. Он произнёс два слова:

— Вэнс. Иди.

Вэнс встал, ноги затекли и он покачнулся. Генри схватил его за руку:

— Не ходи.

— Я не пойду, я просто стою.

Голос замолчал. Лес снова наполнился тишиной, но теперь в этой тишине чувствовалось ожидание — будто что-то слушает их в ответ.

— Чей это голос? — спросил Дьюк из-под спальника. Он не спал, просто лежал и боялся пошевелиться.

— Я не знаю, — сказал Вэнс.

— Ты узнал его?

— Нет.

Он солгал. Он узнал интонацию: так тянула гласные его бабушка когда звала его с улицы домой. Она умерла когда ему было семь, он не мог помнить её голос, но помнил.

Утром лес был другим. Солнце всё-таки взошло, и свет падая сквозь кроны был жёлтым а не зелёным. Птицы пели — обычные птицы: яблочки, синицы, где-то стучал дятел. Вэнс проснулся от того что Эллис трясла его за плечо.

— Вставай.

— Что?

— Посмотри.

Он встал, тело ныло от сна на земле. Огляделся: лагерь на месте, кострище, спальники, рюкзаки. Но деревья вокруг стояли иначе. Вчера их было три, сегодня их было пять. Две сосны выросли за ночь там где вчера была открытая поляна.

— Этого не может быть, — сказал Вэнс.

— Может, — сказал Генри. Он стоял на коленях у одной из новых сосен и копал землю ножом. — Здесь нет корней. Вернее корни есть, но они не держат землю. Это пересаженные деревья.

— Кем?

Генри поднял горсть земли. Она была влажная, тёмная, с червями. В центре комка блестело что-то металлическое. Генри счистил грязь — это была монета, старая, медная, с неразборчивым профилем.

— Кто-то сажает деревья на монетах, — сказал он. — Это старая традиция. Плата лесу.

— За что?

— За то что он позволил войти.

Они собрали лагерь быстро, никто не завтракал. Вэнс снова встал в голову колонны и пошёл на север сверяясь с компасом. Стрелка больше не дрожала, показывала точно. Лес был обычным, солнце грело затылок, пахло смолой и нагретой хвоей.

Через два часа они вышли к оврагу который должны были найти ещё вчера.

Овраг был глубокий с крутыми склонами заросшими папоротником, на дне журчала вода. Через овраг было перекинуто бревно — старое, замшелое, но ещё крепкое.

— Это здесь, — сказал Вэнс.

— Что здесь? — спросил Дьюк.

— Точка.

На той стороне оврага начиналась делянка. Лесорубы ещё не пришли, но следы их подготовки были видны: граница отмечена красными флажками на ветках, кора на некоторых деревьях была содрана — метки под вырубку. Вэнс смотрел на эти метки и молчал.

— Мы успели, — сказал Дьюк.

— Да, — сказал Вэнс. — Успели.

Он первым ступил на бревно. Оно пружинило под ногами но держало. Внизу журчал ручей. Вэнс смотрел вперёд на помеченные деревья. Их было много: сосны, ели, несколько дубов. Дубы здесь были редкостью, пришлые с юга. Один дуб стоял особняком, огромный, в три обхвата. Его кора была испещрена морщинами как лицо старика. На его стволе не было метки.

К вечеру они разбили базовый лагерь на краю делянки. Поставили палатку, натянули тент. Генри развёл костер, на этот раз дым пошёл в сторону и запах остался — обычный запах горелого дерева.

Дьюк повеселел. Он достал карту и водил по ней пальцем, показывая где они находятся и куда пойдут завтра.

— Здесь проходит старая лесовозная дорога. Если перекрыть её завалом, техника не пройдёт. Мы выиграем дня три пока они расчистят.

— У нас нет времени на три дня, — сказал Вэнс.

— Почему?

— Потому что они придут завтра.

— Откуда ты знаешь?

Вэнс кивнул на флажки:

— Эти метки свежие. Их поставили не больше двух суток назад. Лесорубы приходят сразу после разметки.

Дьюк замолчал, сложил карту и убрал в карман.

— Что будем делать?

— Ночью снимем метки. Утром встретим их.

Ночь пришла так же быстро как вчера. Только теперь не было тревоги, была работа. Они сняли все красные флажки какие смогли найти в темноте, сложили их в кучу и сожгли. Огонь горел ярко, и Вэнс смотрел как пламя пожирает тряпки.

— Что это даст? — спросила Эллис. — Они поставили метки не для себя. Они знают где рубить, они помнят.

— Они помнят, — согласился Вэнс. — Но лес тоже помнит.

Они легли спать после полуночи. Вэнс дежурил первым. Он сидел у костра и смотрел на старый дуб. В темноте его крона казалась чёрной дырой на фоне более светлого неба. Ветви не шевелились, хотя с реки тянул ветер.

Где-то в лесу снова заговорила птица. На этот раз голос был мужской, хриплый, прокуранный.

— Вэнс. Ты пришёл.

Вэнс не встал. Он сжал руками колени и смотрел на угли.

— Я пришёл, — сказал он тихо.

Птица замолчала. Лес слушал. Вэнс чувствовал как его слушают — не ушами, чем-то другим. Тем чем дерево знает куда расти корнями.

Он просидел так до рассвета. Когда небо на востоке порозовело, он разбудил Генри и лёг. Сон пришёл сразу, тяжелый и без сновидений. Последнее что он слышал перед тем как провалиться был стук дятла. Дятел стучал по сухому стволу, и стук этот складывался в ритм похожий на человеческую речь.

Тук. Тук-тук. Тук.

«Ты. Пом-нишь. Лес».

Метки

— У этих есть.

Рассвет был серый. Солнце не могло пробиться сквозь низкие облака, и лес стоял в ровном плоском свете, как под люминесцентной лампой. Тени не было, предметы не отбрасывали своих двойников на землю, и это делало всё ненастоящим.

Вэнс проснулся от холода. Огонь погас, угли были холодные, покрытые росой. Он сел и оглядел лагерь. Генри спал завернувшись в спальник так, что видны были только сапоги. Дьюк лежал на спине, рот приоткрыт, очки на груди. Эллис не спала. Она сидела на поваленном стволе у края делянки и смотрела на старый дуб.

Вэнс подошёл к ней. Земля была мягкая, податливая, на ней оставались следы. Его следы. Её следов не было — она сидела на одном месте с ночи.

— Ты не спала, — сказал он.

— Не хотелось.

— Почему?

— Дуб. Он шумел.

Вэнс посмотрел на дуб. Ветви были неподвижны, листья — редкие для этого времени года — висели безжизненно. Ветра не было.

— Что ты слышала?

— Не знаю. Не листья. Что-то внутри. Как будто вода течёт по трубам. Или кровь.

— У деревьев нет крови.

— У этих есть.

Она встала. Движения у неё были экономные, как у человека который привык носить тяжести и экономить силы. Пошла к ручью умываться. Вэнс остался у дуба. Он подошёл ближе. Кора была теплая. Он приложил ладонь — тепло шло изнутри, ровное, как от печки. Это было неправильно, утренняя кора должна быть холодной. Он отдернул руку и пошёл будить остальных.

— Нам нужно идти, — сказал он.

Завтракали молча. Генри вскрыл банку тушёнки ножом — нож был старый, с костяной ручкой, потемневшей от времени и пота. Он резал хлеб толстыми ломтями и клал сверху мясо. Ели руками. Кофе не варили — дым мог выдать лагерь.

— Лесорубы придут с юга, — сказал Вэнс. — По старой дороге. Мы встретим их здесь у оврага, другого пути для техники нет.

— А если они пойдут пешком? — спросил Дьюк.

— Не пойдут. Им нужно вывезти лес, без техники они никто.

— Что мы им скажем?

— Правду. Что эта делянка часть водоохранной зоны, что вырубка здесь незаконна, что мы не уйдём.

— А если они не послушают?

— Тогда будем решать на месте.

Дьюк хотел спросить что-то ещё, но Генри перебил его:

— Тихо.

Все замерли. Из леса, с той стороны оврага, донёсся звук. Не голос, не шаги. Ровный, низкий гул — так гудит трансформаторная будка или высоковольтные провода в сырую погоду.

— Это они? — спросила Эллис.

— Нет, это не мотор.

Звук нарастал. Он шёл не с одной стороны, а отовсюду. Казалось, гудит сама земля. Вэнс почувствовал вибрацию подошвами сапог — мелкую, частую, как от проходящего далеко поезда метро.

Потом звук оборвался, резко, как по команде. В наступившей тишине стало слышно как Дьюк сглатывает слюну.

— Что это было? — спросил он.

— Не знаю, — сказал Вэнс.

— Может подземные воды?

— Здесь нет подземных вод на такой глубине, скала.

— Тогда что?

Вэнс не ответил. Он смотрел на дуб. Ему показалось что ветви шевельнулись. Одна ветка — самая нижняя, толстая как бедро взрослого мужчины — изменила положение. Раньше она указывала на восток, теперь — на юг. На дорогу.

Они перешли овраг по бревну. На этот раз последней шла Эллис. Она остановилась на середине и посмотрела вниз, в воду. Вода была прозрачная, коричневатая от торфа. На дне лежали камни и что-то белое. Она прищурилась — белое было костью, большой берцовой костью. Человеческой или звериной с такого расстояния не понять.

— Что там? — спросил Дьюк с берега.

— Ничего, камни.

Она пошла дальше, бревно под ней даже не качнулось.

На той стороне лес был гуще. Здесь не было делянки, деревья стояли плотно и идти приходилось боком продираясь между стволами. Подлеска почти не было — кроны смыкались высоко и не пропускали света для кустарника. Земля была устлана хвоей, мягкой, пружинящей как матрас.

Вэнс шёл первым. Он помнил дорогу с того раза с отцом. Они шли тогда на юг к реке, и отец говорил: «Смотри под ноги, в лесу главное — не куда идёшь, а на чём стоишь». Отец был лесником, его уволили когда он отказался подписать разрешение на санитарную рубку. Он сказал что лес здоров. Через год лес сгорел, отец не стал возвращаться на пепелище. Он умер от сердца через два года после пожара, зимой, в городе, в очереди за хлебом. Вэнс помнил это, он помнил всё.

Через полчаса они вышли к старой лесовозной дороге. Это была не дорога в обычном смысле — просто полоса земли с которой когда-то сняли дёрн и утрамбовали глину. Глина спеклась, потрескалась, и в трещинах росла трава. По краям стояли берёзы, молодые, тонкие, они выросли уже после того как дорогу забросили. Им было лет по десять-двенадцать.

Вэнс остановился:

— Здесь.

— Что здесь? — спросил Дьюк.

— Завал.

Он показал на берёзы. Их было около двух десятков. Если повалить их поперёк дороги — техника не пройдёт. Трактору или лесовозу придётся расчищать завал, а это часы работы. Часы за которые можно вызвать полицию, журналистов, снять видео для сети.

— У нас одна бензопила, — сказал Генри. — Вторую я оставил в лагере.

— Хватит одной.

Генри снял с плеча чехол, достал пилу, проверил цепь, залил бензин. Подёргал стартер — пила завелась с третьего рывка, затарахтела, выплюнула сизый дым. Запахло выхлопом и свежей щепой.

Он подошёл к первой берёзе, ствол толщиной с ногу. Примерился и вонзил шину в кору. Пила взвизгнула, полетели опилки — белые, влажные, пахнущие соком. Берёза дрогнула и

начала крениться. Генри отступил, и дерево рухнуло поперёк дороги, подняв облако пыли и сухих листьев.

— Одно есть, — сказал он.

Он пошёл ко второй. Вэнс смотрел на поваленную берёзу. На срезе выступил сок — прозрачный, липкий, он стекал по коре и капал на глину. Вэнс подумал что сок похож на слёзы, и отогнал эту мысль.

Эллис подошла к нему:

— Ты уверен что это поможет?

— Даст нам время.

— Время для чего?

— Для того чтобы лес сделал своё дело.

— Лес не делает дел, лес просто растёт.

— Ты сама в это не веришь.

Эллис промолчала.

Генри повалил ещё пять берёз. Дорога была перегорожена, стволы лежали внахлест, ветви переплелись создавая стену высотой в человеческий рост. Обойти её по лесу было нельзя — слишком густо, техника застрянет.

Генри заглушил пилу. В наступившей тишине стало слышно как где-то далеко, на пределе слуха, работает другой двигатель — дизельный, тяжёлый. Он приближался.

— Идут, — сказал Вэнс.

— Рано, мы ждали их к полудню, — сказал Дьюк.

— Значит поторопились.

— Что делать?

— Ждать.

Они отошли с дороги в лес, встали за деревьями чтобы их не было видно с первого взгляда. Вэнс достал из рюкзака транспарант — белую ткань с красными буквами «ЛЕС НЕ ДРОВА» — и привязал его к двум молодым сосенкам поперёк дороги перед завалом. Ветер трепал ткань, и буквы шли волнами.

Звук двигателя стал громче. Теперь можно было различить что это не один мотор а два — трактор и грузовик. Они шли медленно, на низкой передаче, продираясь по заброшенной дороге.

Первым из-за поворота показался трактор — старый «Беларус» с кабиной без стёкол. За рулём сидел мужчина в кепке и телогрейке, рядом с ним на крыле пристроился ещё один, молодой, в камуфляжной куртке. У него на коленях лежало ружьё, не охотничье — помповое, с коротким стволом. За трактором полз грузовик с крановой установкой, в кузове сидели люди — человек шесть с бензопилами, канистрами и термосами.

Трактор остановился в двадцати метрах от завала. Водитель заглушил мотор, стало тихо — только ветер шумел в кронах и где-то далеко стучал дятел. Мужчина в кепке вылез из кабины, невысокий, коренастый, с красным от ветра лицом. Он посмотрел на транспарант, потом на завал, потом на лес.

— Выходите, — сказал он громко. — Я знаю что вы там.

Вэнс вышел из-за дерева, за ним Генри, Эллис и Дьюк. Они встали в линию перед завалом. У Вэнса в руках ничего не было, у Генри за спиной висела бензопила, у Дьюка — телефон который он держал перед собой снимая видео.

— Убери телефон, — сказал мужчина в кепке.

— Я имею право снимать, — сказал Дьюк, и голос у него дрогнул.

— Право у тебя есть, зубов у тебя скоро не будет. Убери.

Вэнс поднял руку:

— Мы здесь чтобы поговорить.

Мужчина в кепке сплюнул на землю, слюна была коричневая от табака:

— Говорить не о чем. Это частная делянка, у меня все бумаги в порядке.

— Покажите.

— Ты кто такой чтобы я тебе показывал? Прокурор? Лесник?

— Я человек который знает что эта делянка входит в водоохранную зону. Рубить здесь нельзя.

Мужчина в кепке усмехнулся, у него не хватало двух передних зубов:

— Водоохранная зона кончается в километре отсюда, я карту смотрел.

— Ваша карта врёт.

— Все карты врут, лес тоже врёт. Только деньги не врут.

Он повернулся к молодым в камуфляже:

— Уберите завал.

Молодой спрыгнул с крыла трактора, ружьё оставил в кабине. Пошёл к завалу доставая из кармана складной нож чтобы перерезать верёвки транспаранта. Генри шагнул вперёд и встал у него на пути:

— Не трогай.

Молодой остановился. Он был выше Генри но худее, на шее татуировка — паутина уходящая под воротник:

— Отойди, дядя.

— Не отойду.

Молодой посмотрел на мужчину в кепке, тот кивнул. Ударил быстро, без замаха, в живот. Генри сложился пополам но не упал — выдохнул воздух и выпрямился, лицо серое но глаза спокойные.

— Это всё? — спросил он.

Молодой ударил снова, на этот раз в лицо. Генри покачнулся, из носа пошла кровь. Он вытер её рукавом и улыбнулся, улыбка была страшная, красная.

— Лес смотрит, — сказал он.

Молодой замер. Оглянулся на лес — деревья стояли неподвижно, ничего не изменилось. Снова посмотрел на Генри и хотел ударить в третий раз, но мужчина в кепке остановил его:

— Хватит, нечего мараться. Пусть стоят, мы поедем в объезд.

— Объезда нет, — сказал Вэнс.

— Есть, через Сухой лог. Крюк в десять километров, но мы проедем.

Вэнс промолчал. Сухой лог был отмечен на его старой карте — там был брод через ручей и подъём на плато. Но на карте отца там же была пометка красным карандашом. Отец ставил красный крест там где лес был болен. Или зол. Вэнс не знал что это значит, но пометка была.

Лесорубы развернули технику. Трактор взревел, выпустил клуб чёрного дыма и пополз обратно, грузовик с краном за ним. Молодой в камуфляже сел на крыло и смотрел на Генри пока машина не скрылась за поворотом. Взгляд у него был не злой — скорее задумчивый, как у человека который только что наступил на что-то мягкое в темноте и ещё не решил хочет ли он знать что это было.

Когда шум моторов стих, Дьюк выключил запись на телефоне, руки у него дрожали:

— Они ушли.

— Они вернуться, — сказал Вэнс. — Через Сухой лог, к вечеру будут на делянке.

— Что мы будем делать?

— Вернёмся в лагерь, будем ждать.

— Чего?

— Не знаю, — сказал Вэнс. — Чего-нибудь.

Они пошли обратно к лагерю. На этот раз дорога показалась длиннее. Лес изменился — Вэнс замечал это краем глаза но не подавал виду. Деревья которые утром были по левую руку

теперь стояли справа. Тропа протоптанная час назад исчезла, вместо неё была другая — шире, ровнее, усыпанная прошлогодней хвоей так аккуратно словно её подметали.

Дьюк заметил первым:

— Мы не здесь шли.

— Здесь, — сказал Вэнс.

— Нет, я помню ту сосну. Она была сломанная, сейчас она целая.

Вэнс посмотрел на сосну на которую показывал Дьюк. Ствол был прямой, без изъянов, но на коре на высоте груди был шрам — старый, заплывший смолой. Будто когда-то в дерево ударила молния, но оно выжило и затянуло рану.

— Деревья растут, — сказал он. — Шрамы зарастают.

— За один день?

— За одну ночь. Ты сам видел утром.

Дьюк замолчал.

Они вышли к оврагу. Бревно по которому переходили утром лежало на месте, но теперь оно было другое — кора свежая, будто дерево срубили только вчера. Вэнс потрогал срез, смола ещё не застыла — липкая, тёплая.

— Кто-то заменил бревно, — сказала Эллис.

— Здесь никого нет, — сказал Генри. — Только мы.

— Тогда кто?

Генри пожал плечами. Он перешёл первым, бревно пружинило под его весом но держало крепко. За ним перешли остальные.

В лагере ничего не изменилось. Палатка стояла на месте, кострище было холодным. Но на брезенте где они оставили сухой паёк лежало что-то новое. Вэнс подошёл ближе — горсть желудей, крупные, коричневые, блестящие. Они были разложены ровным кругом, как те птичьи кости в первый день.

— Кто это принёс? — спросил Дьюк.

— Никто, — сказал Вэнс. — Они упали с дуба.

— Дуб стоит в пятидесяти метрах, жёлуди так далеко не падают.

— Значит ветер.

— Ветра не было.

Вэнс не ответил. Он собрал жёлуди в карман, они были тяжёлые будто налитые свинцом.

День тянулся медленно. Солнце так и не пробило облака, свет оставался серым, плоским, без теней. Вэнс сидел у костра и чистил бензопилу. Генри спал. Дьюк пересматривал видео на телефоне надеясь поймать связь и отправить файл, связи не было. Эллис ушла к дубу.

Она стояла под его кроной и смотрела вверх. Ветви переплетались так густо что неба не было видно, только чёрная сетка на сером фоне. Кора была тёплая, она приложила ладонь — тепло пульсировало, медленно, ритмично, раз в секунду. Как сердце.

— Ты живой, — сказала она тихо.

Дуб молчал, но ветви качнулись. Ветра не было.

К вечеру вернулись лесорубы. Они пришли не по дороге — вышли из леса со стороны Сухого лога. Их было меньше, трактор остался где-то там в логу. Шли пешком, грязные, злые. У молодого в камуфляже была рассечена бровь, у водителя в кепке — порван рукав, двое из кузова грузовика хромали.

Они остановились у края делянки увидев палатку и костёр. Мужчина в кепке вышел вперёд, он больше не улыбался:

— Что вы сделали с дорогой?

— Ничего, — сказал Вэнс. — Мы были здесь.

— Врёшь. Дорога исчезла.

— Дороги не исчезают.

— Эта исчезла. Мы проехали по ней утром, вечером её нет. Только лес, густой как стена. Мы шли пешком два часа.

Вэнс посмотрел на Генри, тот пожал плечами.

— Мы не знаем о чём вы говорите, — сказал Вэнс.

Мужчина в кепке сплюнул, на этот раз слюна была красная:

— Трактор утонул в болоте. Болота там никогда не было, оно появилось за час. Мы ехали и вдруг земля ушла из-под колёс, трактор встал на брюхо. Мы вытаскивали его верёвками, потом пошли пешком. Лес вёл нас кругами, мы шли на звук. На голос.

— Какой голос? — спросила Эллис.

Мужчина в кепке посмотрел на неё, глаза красные, воспалённые:

— Женский. Она звала меня по имени. По имени которое знала только моя мать. Мать умерла двадцать лет назад.

Он замолчал. Лес вокруг стоял тихо, даже птицы перестали петь.

— Мы уйдём, — сказал вдруг мужчина в кепке. — Заберём технику и уйдём. Заплатите за простой — и уйдём.

— У нас нет денег, — сказал Вэнс.

— Тогда сидите здесь, пока лес вас не сожрёт.

Повернулся и пошёл обратно в лес, его люди потянулись за ним. Молодой в камуфляже задержался, посмотрел на Генри:

— Ты сказал утром «лес смотрит». Я думал ты псих, теперь я думаю что ты прав.

— Что ты слышал в лесу? — спросил Генри.

— Голос, мужской. Он повторял мои слова — то что я сказал утром тебе: «отойди, дядя».

Повторял снова и снова, разными голосами. Как будто лес запомнил и учился говорить.

Он догнал своих и исчез за деревьями.

Ночью пошёл дождь — мелкий, холодный, осенний. Он шумел по тенту палатки, и звук этот был похож на шёпот. Вэнс лежал и слушал, думал о словах лесоруба: «лес запомнил и учился говорить». Вспомнил птичьи черепа на ветке, круг из костей, жёлуди на брезенте, голос зовущий его по имени. Лес действительно напоминал.

Сел. Рядом спал Дьюк, Эллис лежала с открытыми глазами.

— Ты слышишь? — спросила она.

— Дождь.

— Нет, под дождём. Шаги.

Вэнс прислушался. Сначала ничего, потом — да. Мягкие, тяжёлые шаги по мокрой хвое. Они обходили палатку по кругу: раз, два, три. Остановились у входа.

Вэнс взял фонарь, откинул полог и осветил наружу.

Никого.

Только дождь и мокрые стволы деревьев блестящие в луче света. На земле перед входом лежало что-то белое. Он наклонился и поднял — кость, большая берцовая кость. Человеческая, старая, чисто обглоданная будто её варили. На кости были вырезаны буквы — неровные, глубокие, словно их процарапали ножом.

«ПОСАДИ ДЕРЕВО».

Вэнс отбросил кость, она ударилась о ствол сосны и упала в мох. Дождь продолжал идти, шаги удалялись в лес — тяжёлые, влажные, чавкающие по грязи. Он закрыл полог и лёг, сна не было до утра.

Утром дождь кончился, лес парил. Туман висел между стволами — белый, плотный, как молоко. Вэнс вышел из палатки. На брезенте снова лежали жёлуди, теперь их было больше. Они были разложены не кругом а буквами: «ПОСАДИ».

Он сгрёб их ногой, жёлуди рассыпались по земле, один закатился под корень дуба.

Вэнс посмотрел на дуб. Ветви его теперь указывали на север — на ту часть леса где они ещё не были, на ту часть где на карте отца стоял красный крест.

— Мы идём туда, — сказал он когда остальные проснулись.

— Зачем? — спросил Дьюк.

— Там что-то есть, то что лес хочет нам показать.

— Лес ничего не хочет, это просто деревья.

— Ты сам в это не веришь.

Дьюк промолчал.

Они собрали лагерь: сложили палатку, упаковали рюкзаки. Генри взял обе бензопилы, Вэнс — карту отца, Эллис ничего не взяла кроме фляги с водой и ножа.

Пошли на север в туман, туда где ветви дуба указывали дорогу. Лес молчал, птицы не пели. Только шаги шуршали по мокрой хвое и где-то далеко, на самой границе слышимости, стучал дятел.

Тук. Тук-тук. Тук.

«По-са-ди. Де-ре-во».

Или это просто стук.

Красный крест

Туман не рассеялся к полудню. Он стал только гуще. Белый, влажный, он глушил звуки и скрадывал расстояния. Деревья выступали из него внезапно, как столбы из воды. Сначала ствол, потом ветви, потом снова ничего.

Вэнс шёл первым. Он держал компас в левой руке и карту в правой. Карта намочла, но чернила не поплыли. Красный крест, поставленный отцом, был всё так же ярок, будто его нарисовали вчера. Он находился в трёх километрах к северу от делянки, в низине, отмеченной как «Сухой лог».

— Сухой лог не сухой, — сказал Генри. Он шёл вторым и смотрел под ноги. Земля чавкала, вода выступала из мха при каждом шаге.

— Лесорубы сказали там болото, — отозвался Дьюк. — Трактор утонул.

— Трактор не тонет в болоте которого вчера не было.

— Значит оно было всегда, просто они не заметили.

— Болото не появляется за один день.

— Здесь всё появляется за день. Деревья, тропы, голоса.

Дьюк замолчал. Он думал о том что сказал. Это звучало как бред. Но он видел сосны которых не было вчера, он слышал шаги ночью, он держал в руках кость с вырезанными словами. Бред стал реальностью, а реальность отступила как туман в котором они шли.

Эллис замыкала цепочку. Она шла и слушала лес. Лес звучал иначе чем вчера. Не было птиц, не было ветра в кронах. Был только ровный, низкий гул — тот самый что они слышали утром у делянки. Он шёл из-под земли. Или из стволов. Или из воздуха. Она не могла понять.

— Гул, — сказала она.

Вэнс остановился:

— Я слышу.

— Что это?

— Может вода, подземная река.

— Здесь нет подземных рек, скала.

— Значит что-то другое.

Он пошёл дальше. Гул не стихал, становился громче по мере того как они углублялись в лес. Теперь его слышали все. Дьюк зажал уши ладонями, но это не помогало — гул проходил сквозь руки, сквозь кости, прямо в голову.

— Я больше не могу, — сказал он.

— Можешь, — сказал Генри. — Это просто звук, он не делает больно.

— Делает, он давит.

— Это страх давит, не звук.

Дьюк опустил руки. Гул остался, но теперь он казался не громче, а просто везде. Как дыхание огромного зверя спящего под корнями.

Через час они вышли к краю низины. Туман здесь редел, разрываемый чем-то что поднималось снизу — теплом. От земли шёл пар. Вэнс остановился у последнего ряда деревьев и посмотрел вниз.

Сухой лог не был сухим. Он был затоплен. Вода стояла чёрная, маслянистая, без ряби. Из неё торчали стволы мёртвых деревьев — голые, серые, без коры. Некоторые были повалены и лежали полузатопленные как утопленники. Посередине лога, накренившись на бок, стоял трактор. Вода доходила ему до середины кабины, кабина была пуста.

— Там что-то есть, — сказала Эллис.

— Где?

— Под водой, у корней.

Вэнс прищурился. Вода была тёмная, почти непрозрачная, но у основания мёртвых деревьев что-то белело. Не кости — что-то крупнее, геометрически правильное.

— Камни, — сказал он. — Фундамент.

— Здесь был дом?

— Или что-то другое.

Он достал карту. Красный крест стоял точно в центре низины. Отец не писал что здесь, он просто поставил крест. Вэнс помнил как отец рисовал карту: сидел за кухонным столом, пил чай и водил карандашом. «Здесь не ходи», — сказал он тогда. «Почему?» — «Потому что я так сказал». Отец никогда не объяснял, он просто знал.

— Нам нужно спуститься, — сказал Вэнс.

— Зачем? — спросил Дьюк. — Там вода, там трактор, там ничего нет.

— Там то за чем мы пришли.

— Мы пришли спасти лес от вырубki. Лесорубы ушли, мы победили, можно возвращаться.

— Они не ушли, они где-то здесь. И лес не спасён, он ждёт.

— Чего?

— Не знаю. Узнаем когда спустимся.

Он начал спускаться по склону. Земля была скользкая, глинистая, ноги ехали. Вэнс хватался за ветки кустарника чтобы не упасть. Ветки были холодные и мокрые, с них капало. Гул стал громче, теперь он пульсировал — не ровно, а толчками, как сердце.

Остальные пошли за ним.

Внизу у кромки воды гул стал невыносимым. Дьюк сел на корточки и закрыл голову руками. Генри стоял расставив ноги и смотрел на трактор. Эллис подошла к воде и опустила в неё руку. Вода была тёплая, как суп.

— Она живая, — сказала она.

— Вода не может быть живой, — сказал Вэнс.

— Эта может.

Вынула руку. С пальцев стекала не вода а что-то более густое, слизистое — прозрачное но тянущееся нитями. Эллис вытерла руку о штаны.

— Нам нужно туда, — сказал Вэнс указывая на фундамент.

— Там глубоко, — сказал Генри. — По пояс, может больше.

— Здесь есть бревна, сделаем плот.

— Бревна гнилые, не выдержат.

— Выдержат. Они мёртвые но крепкие.

Генри посмотрел на него, потом на бревна, потом снова на Вэнса:

— Ты говоришь как твой отец.

— Ты не знал моего отца.

— Я знаю таких людей. Они говорят с лесом, лес им отвечает. Это плохо кончается.

— У нас нет выбора.

Генри пожал плечами, достал топор и пошёл к ближайшему поваленному дереву. Оно лежало наполовину в воде, наполовину на берегу. Кора с него слезла, древесина была серая, трухлявая с виду. Генри ударил топором — звук был глухой, но древесина не раскрошилась. Она была твёрдая внутри, как железо.

— Странное дерево, — сказал он.

— Здесь всё странное, — сказал Вэнс.

Они сделали плот из трёх брёвен, связали их верёвкой которую Генри носил в рюкзаке. Верёвка была альпинистская, тонкая но прочная. Плот получился узкий, шаткий, но держал на воде одного человека.

— Я поплыву, — сказал Вэнс.

— Нет, — сказала Эллис. — Я легче, плот выдержит меня лучше.

— Ты не знаешь что искать.

— Ты тоже не знаешь.

Вэнс помолчал.

— Ищи фундамент. Там должно быть что-то: камень с надписью, или яма, или не знаю. Что-то что объяснит почему отец поставил здесь крест.

Эллис кивнула, сняла рюкзак и сапоги. Вода была тёплая, но ей не хотелось мочить ноги в этой слизи. Ступила на плот — он качнулся но устоял. Генри подал ей длинный шест который вырубил из молодой ели:

— Отталкивайся от дна, там должно быть твёрдо.

Эллис оттолкнулась, плот медленно поплыл к центру лога. Вода расступалась перед ним без всплеска, будто не хотела чтобы её тревожили. Эллис смотрела вниз. Дно было близко, она видела его сквозь чёрную воду — ровное, глинистое, с редкими камнями. И костями. Их было много, они лежали вперемешку — мелкие и крупные, старые, обросшие тёмным налётом. Звериные или человеческие, сверху не разобрать.

Плот ткнулся в фундамент. Эллис ухватилась за край камня. Камень был грубо отёсанный, поросший мхом. Подтянулась и встала на него. Вода здесь доходила до щиколотки. Фундамент уходил под воду квадратом — три метра на три. Внутри квадрата была яма, глубокая. Из неё поднималось тепло и тот самый гул.

Эллис заглянула в яму. Темно. Достала фонарик из кармана куртки и осветила вниз.

Луч выхватил ступени — каменные, стёртые, уходящие во тьму. На стенах ямы висели корни, толстые как канаты. Они спускались сверху от мёртвых деревьев и уходили в глубину. Они пульсировали — медленно, ритмично, в такт гулу.

— Здесь ход! — крикнула она.

— Что внизу? — спросил Вэнс с берега.

— Не вижу, темно.

— Не спускайся, жди нас.

Но она уже ступила на первую ступень.

Ступени были скользкие от слизи. Эллис держалась за корни чтобы не упасть. Корни были тёплые, они вздрагивали под ладонью как живые. Она спускалась медленно, считая ступени: одна, две, три. На десятой гул стал тише — или уши привыкли.

Посветила вниз. Лестница кончалась, дальше шёл коридор. Стены земляные, укреплённые досками. Доски старые, потемневшие, но крепкие. На них были вырезаны буквы — такие же как на кости.

«ПОСАДИ ДЕРЕВО». «ПОМНИ». «ДЫШИ».

Эллис пошла по коридору. Он вёл вниз под уклон. Воздух стал теплее и пах землёй, грибами и чем-то сладким как гниющее мясо. Она зажала нос но запах проникал сквозь пальцы.

Коридор кончился. Она вышла в круглую комнату: земляной пол, земляной потолок с которого свисали корни. В центре комнаты стояло дерево. Живое. Оно росло здесь под землёй без света. Ствол тонкий, искривлённый, с бледной почти белой корой. Ветви тянулись к потолку и вращались в него, становясь теми самыми корнями что свисали сверху. Листьев не было, вместо них на ветвях висели предметы.

Эллис подошла ближе. На ветке висели часы — мужские, на старом кожаном ремешке. Они шли. Секундная стрелка двигалась, но не вперёд — назад.

На другой ветке — очки в тонкой стальной оправе, как у Дьюка. На третьей — фляга, старая, алюминиевая, с вмятиной на боку. Точно такая же как у Генри. На четвёртой — нож с костяной ручкой.

Эллис отступила на шаг. Она поняла. Дерево собирало их вещи. Не те что были при них сейчас — те что были с ними в прошлом. Или будут в будущем. Или...

Она не успела додумать. Сзади раздались шаги — тяжёлые, влажные. Обернулась.

В коридоре стоял человек. Высокий, в старой телогрейке и кепке. Лицо в тени, но она узнала его по очертаниям. Мужчина из бригады лесорубов, тот что сидел за рулём трактора, тот что говорил про мать.

— Вы нашли, — сказал он. Голос глухой, будто шёл из-под воды.

— Что это за место? — спросила Эллис.

— Суд.

— Какой суд?

— Корней. Лес судит тех кто его убивал. Кто рубил, кто жёг, кто продавал.

— Я не рубила.

— Ты пришла с теми кто рубил. Ты свидетель.

Шагнул вперёд, свет от фонарика упал на его лицо. Глаза были белые — не белки, а вся роговица, молочно-белая, без зрачков. Он был слеп. Или мёртв. Или что-то третье.

Эллис попятилась, спина упёрлась в ствол дерева. Кора была горячая, она обжигала даже через куртку.

— Что вам нужно? — спросила она.

— Мне ничего. Я уже отдал — трактор, зрение, память. Я посадил дерево и ушёл. Теперь я сторож, жду следующего.

— Следующего кого?

— Того кто придёт с красным крестом на карте. Того кто знал и забыл.

В коридоре послышались ещё шаги — быстрые, лёгкие. Вэнс. За ним Генри и Дьюк. Они вбежали в комнату и остановились увидев человека в кепке.

— Отойди от неё, — сказал Вэнс.

Человек в кепке повернулся к нему, белые глаза уставились в лицо Вэнса:

— Ты пришёл. Сын лесника, того что ставил кресты.

— Откуда вы знаете моего отца?

— Все знают. Лес помнит. Он помнит каждого кто входил с топором. Твой отец входил, он не рубил — только смотрел и рисовал карту. Лес его отпустил. Но крест остался. Крест это приглашение, для тебя.

— Я не принимаю приглашений от деревьев.

— Примешь. Все принимают. Твой отец принял. Он вернулся сюда через двадцать лет, один, ночью. Он посадил дерево.

— Какое дерево?

— То на котором висят ваши вещи.

Вэнс посмотрел на дерево. На ветке висели часы. Он узнал их — часы отца. Он помнил их на отцовском запястье. Отец носил их до самой смерти, после похорон часы пропали. Вэнс думал что их украли в больнице.

— Это его дерево, — сказал человек в кепке. — Он посадил его вместо себя. Дерево растёт и собирает то что вы потеряли, то что вы забыли, то что вы убили.

— Я ничего не убивал.

— Врёшь.

Голос прозвучал не из уст человека в кепке — он пришёл от дерева, или из стен, или из земли под ногами. Вэнс почувствовал как вибрирует воздух.

— Ты убил, — сказал голос. Теперь он был женский, старческий. Тот самый что звал его по имени в первую ночь. — Ты убил дерево. Одно. Давно. Ты забыл. Лес не забыл.

Вэнс закрыл глаза. Он не хотел вспоминать, но воспоминание пришло само.

Ему было шестнадцать. Приехал на дачу с друзьями, они пили пиво, жгли костёр. Кто-то предложил срубить молодую ель на спор. Вэнс взял топор, ударил три раза. Ель упала, они сожгли её в костре. Он не думал об этом пятнадцать лет. Это было глупо, по-детски, неважно.

— Важно, — сказал голос. — Каждое дерево важно. Каждое помнит. Ты должен посадить новое.

— Я посажу. Я посажу много. Я за этим пришёл — спасать лес.

— Спасать не сажать. Спасать — стоять с плакатом. Сажать — отдавать себя. Твой отец отдал. Он посадил дерево и умер через год. Сердце. Это плата.

— Я не верю.

— Поверишь.

Гул усилился. Стены комнаты задрожали, с потолка посыпалась земля. Дерево в центре засветилось — белая кора стала прозрачной, и внутри ствола Вэнс увидел движение. Там текла не смола, там текла кровь. Или что-то похожее на кровь — густое, красное, пульсирующее.

Человек в кепке отступил в тень:

— Мое дело сделано. Я привёл вас, теперь суд решит.

Он исчез, растаял в темноте коридора как и не было.

Вэнс стоял перед деревом. Оно пульсировало, ветви тянулись к нему. Он чувствовал как что-то тянет его за грудь, за сердце, за память.

— Что оно делает? — спросил Дьюк. Голос у него был тонкий, испуганный.

— Судит, — сказала Эллис. — Оно смотрит в него.

— Я не хочу чтобы в меня смотрели.

— Ты тоже рубил?

Дьюк замолчал. Он вспомнил: летний лагерь, они делали шалаш. Он срубил три молодые берёзки чтобы сделать каркас. Ему было десять, он забыл. Теперь вспомнил. Дерево повернуло ветви к нему.

Генри стоял молча. Он знал свой счёт: работал на лесоповале два года после армии, не считал сколько деревьев спилил. Много, очень много. Не чувствовал вины — работа есть работа. Но сейчас, глядя на светящееся дерево, он почувствовал что-то другое. Не вину — тяжесть. Как будто каждое срубленное дерево висело у него на плечах, и теперь они все разом напомнили о себе.

— Что нам делать? — спросил он.

— Сажать, — сказала Эллис. — Оно хочет чтобы мы сажали.

— Где? Здесь? Под землёй?

— Не знаю.

Дерево загудело громче. Ветви опустились ниже, теперь они почти касались лиц. Вэнс видел как на концах ветвей набухают почки — не лиственные, какие-то другие, тёмные, похожие на глаза. Они открывались медленно, как будто просыпались.

Из почек смотрели глаза. Человеческие. Разные — карие, голубые, зелёные, серые. Они смотрели на каждого из четверых, не мигая, не дыша.

— Это те кто ушёл, — сказала Эллис. — Те кто посадил деревья и умер. Они смотрят через дерево.

— Откуда ты знаешь? — спросил Вэнс.

— Не знаю, я чувствую.

Она подошла к дереву и приложила ладонь к стволу. Кора была горячая но не обжигала. Под ладонью что-то билось — сердце дерева, или сердце того кто его посадил.

— Отец Вэнса, — сказала она тихо. — Я чувствую его. Он здесь, он ждёт.

— Чего?

— Чтобы Вэнс посадил своё дерево. Чтобы заплатил долг.

— Я не буду платить жизнью за одну срубленную ёлку, это безумие.

— Это не безумие, это закон леса. Ты взял — отдай. Ты убил — роди.

Вэнс отступил от дерева. Глаза на ветвях следили за ним — десятки глаз. Они не обвиняли, они просто смотрели. Ждали.

— У нас есть выбор? — спросил он.

— Всегда есть, — сказал Генри. — Можно уйти. Лес отпускает тех кто не принял приглашение. Твой отец ушёл в первый раз, он вернулся сам через двадцать лет.

— Почему он вернулся?

— Потому что не мог забыть. Потому что лес звал. Потому что долг висел на нём как камень.

Вэнс посмотрел на часы на ветке. Они всё ещё шли назад. Он подумал об отце — о том как тот сидел за кухонным столом и рисовал карту, о том как сказал «здесь не ходи», о том как умер в очереди за хлебом с чужими людьми вокруг, без леса, без деревьев, без воздуха.

Может он хотел умереть здесь. Может лес звал его не для суда а для покоя. Может посадить дерево — это не наказание, может это способ остаться.

— Я посажу, — сказал Вэнс.

— Что? — Дьюк уставился на него.

— Я посажу дерево. Не здесь, там наверху где солнце, где оно сможет расти.

— Ты слышал что сказал тот в кепке? Посадить значит умереть. Через год или раньше.

— Слышал.

— И всё равно?

— Да.

— Почему?

— Не знаю, — сказал Вэнс. — Чего-нибудь.

Дерево медленно втянуло ветви. Глаза закрылись, почки опали на землю и исчезли. Гул стих. В комнате стало тихо, только где-то далеко наверху шумел дождь — или это вода просачивалась сквозь землю.

— Нам нужно наверх, — сказал Генри. — Это место не для живых.

Они пошли обратно по коридору. Ступени были всё так же скользкие, но теперь Эллис не держалась за корни — она не хотела их трогать, они были тёплые и пульсировали как вены.

Наверху у фундамента их ждал плот. Он был на месте. Вода в логу поднялась, теперь доходила до середины камней фундамента. Трактор почти скрылся под водой, только верх кабины торчал как надгробие.

Переправились на берег по очереди. Последним плыл Вэнс. Он стоял на плоту и смотрел на яму в фундаменте — оттуда поднимался пар. Или дым. Или дыхание.

Когда ступил на берег, земля под ногами была твёрдая — обычная лесная земля усталая хвоей. Наклонился и поднял горсть. Она пахла грибами и прелью. Живая земля, та в которой растут деревья.

— Где будем сажать? — спросил Генри.

— У дуба, — сказал Вэнс. — Там где началось.

— У тебя есть семена?

Вэнс полез в карман. Жёлуди которые он собрал утром с брезента были там — тёплые, тяжёлые, живые. Он сжал их в кулаке.

— Есть.

Они пошли обратно к лагерю. Туман рассеялся. Солнце наконец пробилось сквозь облака, и лес заиграл красками: зелёный мох, бурая кора, жёлтые пятна лишайника. Птицы запели — обычные птицы, зяблики, синицы, дрозды.

Дьюк шёл и слушал их. Он думал о трёх берёзках которые срубил в детстве. Не чувствовал вины, чувствовал что-то другое — печаль. По чему, он не знал.

Эллис шла последней и оглянулась на Сухой лог. Вода в нём блестела на солнце как зеркало. Ямы в фундаменте не было видно, только трактор торчащий из воды напоминал о том что здесь что-то случилось. Лес молчал, но в этом молчании было обещание. Или предупреждение. Она не могла решить.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.